

Научная статья
УДК 39(571.5)+069
doi: 10.17223/2312461X/40/7

Рабочие золотых приисков Сибири на рубеже XIX–XX вв.: народническая музейная этнография и дискурс гибридности

Станислав Сергеевич Петряшин

*Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,
s-petryashin@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется опыт изучения рабочих золотых приисков Сибири в Этнографическом отделе Русского музея Д.А. Клеменцем и А.А. Макаренко. Формирование такого необычного для этнографического музея интереса обусловлено народническим прошлым ученых и годами жизни в условиях сибирской ссылки. На материале этнографии приисковых рабочих автор продемонстрирует, как критическая и эмансипаторная направленность народнической этнографии, выделявшая ее на фоне этнографии академической и «имперской», в Этнографическом отделе нашла выражение в дискурсе гибридности. Этот дискурс подчеркивал «смешанность» населения и подрывал тем самым ориенталистские культурные иерархии и националистический дискурс. Случай этнографии приисковых рабочих особенно интересен тем, что в нем «смешанными» оказались не только культуры и народы, но и разные социальные слои. Ключевым агентом гибридности в этнографии Клеменца и Макаренко выступала природная и социальная среда Сибири, к которой рабочие золотых приисков, наряду с другими группами населения, были вынуждены адаптироваться. Благодаря приобретению коллекций предметов рабочего быта академическая и публичная репрезентация Сибири в музее стала более инклюзивной. Вместе с тем в определенных ситуациях дискурс гибридности в работах Клеменца и Макаренко мог сочетаться с ориентализмом и утверждением культурных иерархий. В первой части статьи рассматривается изучение Клеменцем и Макаренко приисковых рабочих в социально-экономическом ключе во время ссылки и последующей жизни в Сибири. Во второй части анализируется обоснование Клеменцем проекта этнографии приисковых рабочих в ЭО РМ и его реализация в коллекции № 563 Макаренко. Основными источниками для настоящей работы служат архивные документы из собраний Российского этнографического музея и Института восточных рукописей РАН, а также коллекционные описи РЭМ.

Ключевые слова: золотые прииски, Сибирь, гибридность, народничество, Этнографический отдел Русского музея, Д.А. Клеменц, А.А. Макаренко

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Петряшин С.С. Рабочие золотых приисков Сибири на рубеже XIX–XX вв.: народническая музейная этнография и дискурс гибридности // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 141–166. doi: 10.17223/2312461X/40/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/40/7

Workers of Siberian gold mines at the turn of the 19th–20th centuries: populist museum ethnography and the discourse of hybridity

Stanislav S. Petriashin

*Russian Museum of Ethnography, Saint Petersburg, Russian Federation;
Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation,
s-petryashin@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the study of gold mine workers of Siberia in the Ethnographic Department of the Russian Museum by D.A. Klementz and A.A. Makarenko. The formation of such an unusual for an ethnographic museum topic is conditioned by the “populist” past of researchers and years lived in the Siberian exile. Using the material of the ethnography of mine workers, I want to demonstrate how the critical and emancipatory orientation of populist ethnography, which distinguished it from academic and “imperial” ethnography, found expression in the late imperial discourse of hybridity in the Ethnographic Department. This discourse emphasized the “mixture” of the population and thereby undermined Orientalist cultural hierarchies and nationalist discourse. The case of the ethnography of mine workers is especially interesting in that not only cultures and peoples, but also different social strata turned out to be “mixed”. The key agent of hybridization in the ethnography of Klementz and Makarenko was the natural and social environment of Siberia, to which gold mine workers and other groups of populations had to adapt. The acquisition of collections on everyday life of mine workers made academic and public representation of Siberia in the museum more inclusive. At the same time, under the certain circumstances the discourse of hybridity in the works of Klementz and Makarenko could be combined with Orientalism and the assertion of cultural hierarchies. The first part of the paper examines the study of mine workers by Klementz and Makarenko in a socio-economic key during exile and living in Siberia. The second part analyzes the substantiation of the project of ethnography of gold miners in the ED RM by Klementz and its implementation in the Makarenko collection no. 563. The sources for this work are archival documents from the collections of the Russian Museum of Ethnography and the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, as well as the main collection inventories of the RME.

Keywords: gold mines, Siberia, hybridity, populism, Ethnographic Department of the Russian Museum, D.A. Klementz, A.A. Makarenko

Acknowledgements: The research was conducted with support from the Russian Government, grant № 075-15-2021-611 “Humanity in the changing space of the Urals and Siberia”.

For citation: Petriashin, S.S. (2023) Workers of Siberian gold mines at the turn of the 19th–20th centuries: populist museum ethnography and the discourse of hybridity. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 141–166 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/40/7

Введение

В 1904 г. этнограф и фольклорист Алексей Алексеевич Макаренко совершил экспедицию в Енисейскую губернию продолжительностью

пять месяцев¹. По итогам экспедиции в Этнографический отдел Русского музея (ЭО РМ) поступила коллекция из 810 предметов и 120 фотографий, представляющая собой энциклопедию крестьянской жизни русского-сибиряка (Отчет... 1905: 14). Среди привезенных вещей выделяется комплекс из 46 предметов, зарегистрированный как коллекция № 563. Эта коллекция включает в себя одежду, дорожные принадлежности и орудия труда рабочих золотых приисков Южно-Енисейского и Северно-Енисейского горных округов. Этой же теме посвящены две фотографии Макаренко из экспедиции 1904 г., на которых изображены двое рабочих в одежде для дальней дороги (№ 773-14) и группа рабочих с семьями, возвращающихся по Ангаре с золотых промыслов Олекминского горного округа (№ 773-82)². Для этнографии рубежа XIX–XX вв. такой интерес к золотым промыслам был совершенно не характерен. На фоне других коллекций Этнографического отдела по классическим темам крестьянской этнографии эта коллекция также сильно выделялась. Почему же Макаренко собрал и привез эту коллекцию, почему она была принята в собрание музея? Как в музее появился интерес к золотым промыслам и в чем он состоял?

Для ответа на этот вопрос следует вспомнить о народническом прошлом и сибирской ссылке, через которую прошел не только Макаренко (в 1886–1897 гг.), но и немногим ранее Дмитрий Александрович Клеменц (в 1881–1886 гг.) – заведующий ЭО РМ с 1902 по 1909 г. Именно в ссылке началось превращение революционеров в известных ученых-этнографов, сотрудников ведущих этнографических музеев страны.

Феномен ссыльной народнической этнографии обращал на себя внимание многих историков науки. Для настоящей статьи особенно интересен ряд работ, в которых народническая этнография рассматривается в перспективе постколониальных исследований (Ssorin-Chaikov 2008; Glebov 2013; Панченко 2018; Saburova 2020). Исследователи справедливо считают, что этот феномен однозначно не вписывается в рамки устоявшейся в историографии интерпретации антропологии/этнографии как колониальной, имперской науки. Тем самым на материале народнической этнографии продолжается дискуссия о применимости концепции ориентализма и постколониальной теории к российской истории и, в частности, к востоковедению и этнографии (Clay 1995; Cambell 2002; Найт 2005; Халид 2005; Tolz 2011; Эткин 2013; Ориентализм 2016; Схиммельпэннинк ван дер Ойе 2019 и др.).

Исследователи единодушны в том, что ссыльных народников нельзя рассматривать как агентов имперской власти. Наоборот, они нередко выступали адвокатами местных сообществ и критиками государственных порядков. Свой «революционный» заряд народники сохраняли, выполняя этнографические, статистические, исторические и другие исследования по заказу государственных институтов. Методологическим

основанием как для социальной критики, так и для интерпретации этнографических материалов, как правило, служил эволюционизм. Классическим примером здесь выступают рассмотренные С. Глебовым труды «Сибиряковской экспедиции»³ (Glebov 2013). В духе своего времени народники видели себя представителями цивилизации в диких краях, чей долг – нести просвещение местным жителям, отставшим в своем развитии от Европы. Соответственно, и их научные работы были во многом проникнуты «имперским» – ориенталистским, аллохроническим – дискурсом (Fabian 1983; Саид 2006). Экзотизирующий взгляд на Сибирь и ее коренные народы был присущ и народнической этнографической фотографии (Saburova 2020). Вместе с тем, как подчеркивает Н. Ссорин-Чайков, не все народники руководствовались эволюционизмом. На примере А.Я. Ефименко и Ф.А. Щербины он показал, как ссыльные исследователи историзировали русскую общину, отказываясь видеть в ней «окаменелость» прошлого и примордиальный социальный институт. В отличие от «имперских» этнографов народники, согласно Ссорину-Чайкову, воспринимали образ жизни других культур – будь то русские крестьяне или сибирские «инородцы» – как альтернативу западному модерну, народное предвосхищение социализма. Впрочем, это восприятие могло не распространяться на народы, живущие за границей. Так, О.А. Милевский и А.Б. Панченко продемонстрировали, что Д.А. Клеменц, когда касался в своей публицистике пограничных областей Центральной Азии, обычно выступал в роли «правительственного» этнографа, отстаивающего интересы государства. В то же время по отношению к народам, живущим в России, он до конца жизни оставался «интеллигентом-народником», по мере сил защищая людей от произвола властей (Милевский 2015; Панченко 2018).

В настоящей работе я хочу показать, что отмеченный выше критический и эмансипаторный потенциал народнической этнографии при ее включении в поле академической музейной этнографии обрел форму позднеимперского дискурса гибридности. Согласно И. Герасимову, С. Глебову и М. Могильнер (2017), «эпистема гибридности» воплощалась в практиках описания разнообразия населения через тропы смешения и скрещивания и тем самым дестабилизировала самодержавный политический режим, культурные иерархии и гегемонный дискурс национализирующейся империи. Гибридная музейная этнография Клеменца и Макаренко, однако, не ограничилась профильной для дисциплины фиксацией «смешения» и взаимовлияний народов, но также поставила вопрос гибридности разных социальных слоев внутри одного народа. Именно здесь свою значимость раскрывает случай этнографии русских приисковых рабочих Сибири. Основным агентом гибридизации в работах Клеменца и Макаренко выступало пространство – природная и социальная среда (в случае приисковых рабочих – Сибири), к

которой люди были вынуждены адаптировать свою культуру и образ жизни. История коллекции предметов приискового быта поможет увидеть, как свойственный народникам интерес к социально-экономической проблематике и «субальтернам», уязвимым группам населения был интегрирован в академическую этнографию и, таким образом, сделал ее более открытой и инклюзивной.

В первой части статьи показано изучение Клеменцем и Макаренко приисковых рабочих в социально-экономическом ключе во время ссылки и последующей жизни в Сибири. Во второй части анализируется обоснование Клеменцем проекта этнографии приисковых рабочих в ЭО РМ и его реализация в коллекции № 563 Макаренко.

Социально-экономический быт золотых приисков

Прежде чем поехать в Енисейскую губернию этнографом, Алексей Макаренко (1860–1942) прожил там 11 лет как политический ссыльный. В начале 1880-х гг. он, будучи учеником Харьковского реального училища, примыкает к народническому движению и вливается в пропагандистскую деятельность среди рабочих и крестьян, трудится наборщиком в нелегальной типографии. Макаренко арестовывают в 1885 г. и в следующем году высылают в Сибирь (Иванова 2015: 248–250). Восемь лет жизни в селе Ужур Ачинского округа Енисейской губернии стали для него формирующими⁴. Макаренко сильно сблизился с местными жителями, начал писать публицистические очерки из местной жизни, собирать этнографические коллекции для Минусинского музея Н.М. Мартянова и материалы для опубликованных уже позже научных работ. Не менее важен был опыт организации вместе с шестью другими политическими ссыльными земледельческой коммуны (1887–1893 гг.), который был подробно описан в автобиографическом очерке «Пахота наша в Сибири» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 246).

Именно в Ужуре Макаренко впервые соприкасается с темой приискового быта. Эта тема регулярно возникала во время импровизированных бесед с местными крестьянами, которые народники использовали для «культурно-воспитательного воздействия на психологию и самосознание ужурян» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 246. Л. 130). По словам Макаренко, бедняки и батраки, искавшие счастья на золотых промыслах, «страстно рассказывали о пережитых мытарствах на приисках, давших им в итоге чрезмерно натужливой работы переломленный грош и сплошное мученье» (Л. 127). Бывшие рабочие жаловались народникам на тяжелый 12–15-часовой труд, заниженные оценки проделанной работы, произвольно повышенные штрафы, издевательства над личностью, избиения и даже убийства со стороны золотопромышленников и их приказчиков. Рассказы бывших приисковых рабочих производили

сильное впечатление на односельчан, вызывали сочувствие к пострадавшим и осуждение преступных деяний «властьимущих». По ходу разговора Макаренко с друзьями отталкивались от этой безрадостной картины приисковой жизни и переходили к обобщению «системы эксплуатации рабочих капиталистами, крайней их зависимости от фабрикантов-заводчиков и владельцев золотоносных приисков». Пропагандистская беседа завершалась объяснением целей и задач борьбы крестьян и рабочих против капиталистов, помещиков и существующей власти (Л. 129–130). По воспоминаниям П.К. Пешкерова, товарища Макаренко по сельскохозяйственной коммуне, они знакомили местных жителей с русским революционным движением, рассказывали о положении рабочего движения в Европе и «наводили мысль слушателей на общие принципиальные вопросы» (цит. по: Иванова 2015: 252).

Иллюстрацией тяжелой и опасной жизни приискового рабочего может служить судьба знакомого Макаренко ужурского крестьянина – Ивана Андреевича Ананьина. Ему в наследство досталось расстроенное хозяйство, из-за которого он не мог завести семью и с трудом содержал престарелых родителей с сестрой. Ссылные народники сняли у него квартиру, купили семенную пшеницу и арендовали землю для занятия сельским хозяйством. Вскоре после этого Ананьин, чтобы поправить свое положение, решил отправиться на Олекминские золотые промыслы: «“Проработаю год-два и вернусь с деньгами”, говорил он, “а не повезет, вернусь к дому, если к тому времени не развалится, либо совсем не вернусь”» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 246. Л. 149–149 об.). Домой он уже не вернулся и, по дошедшим впоследствии слухам, умер на золотых приисках.

Рассказы ужурских крестьян о тяготах приисковой жизни, вероятно, отразились в публицистическом очерке Макаренко «Эпизод из приисковой жизни Восточной Сибири (сказочная быль)», опубликованном в оппозиционной томской «Сибирской газете» (Приискатель 1888). В нем автор обличает эксплуатацию рабочих золотопромышленником Мордобийщиковым на прииске Зловещем. Говорящее имя и название прииска отражают характер случившихся событий. Мордобийщиков не закупил вовремя хлеб для питания рабочих и жестоко избил одного из забойщиков. После этого недовольные рабочие решили уйти с прииска и подать жалобу на «хозяина», из-за чего разгорелся громкий скандал. Вскоре, впрочем, скандал затих, так как рабочие по какой-то причине перестали отстаивать свои права. Макаренко не выдавал себя за свидетеля произошедшего, но четко солидаризировался с рабочими, подписав очерк псевдонимом «Приискатель», т.е. приисковый рабочий⁵. Иронический фольклоризм в определении очерка как «сказочной были» ставит его самого как автора в позицию «сказочника», который говорит о реальном случае, но с чужих слов и в иносказательной форме

(имя золотопромышленника и название прииска вымышленные). Вся «быль» в конечном счете оказывается «сказкой» также и потому, что скандальная история закончилась ничем: справедливость не восторжествовала, виновные не понесли наказания и условия работы на прииске, по-видимому, остались прежними.

По воспоминаниям Макаренко, летом 1888 г. он познакомился с Клеменцом. Последний возвращался с женой из экспедиции в Ачинский округ Енисейской губернии и решил заехать в Ужур к ссыльным народникам. О них он мог знать через общих знакомых в Минусинске, в частности через заведующего Минусинским музеем Н.М. Мартьянова (Макаренко 1917: 316). В Ужуре Клеменц пересказывал ссыльным революционерам мировые новости, говорил о целях и результатах своих экспедиций. Кроме археологии и геологии, речь шла и о задачах изучения современного сибирского населения (Макаренко 1917: 317). В это время Клеменц активно занимался исследованием социально-экономического положения приисковых рабочих, что должно было заинтересовать Макаренко, опубликовавшего свой очерк о рабочих в июне того же года. Клеменц, в свою очередь, должен был увидеть в нем человека, увлеченного этнографией и в частности темой приисковых рабочих. Впоследствии Макаренко занимался преимущественно этнографией сибирского крестьянства, но тема рабочих золотых промыслов продолжала его волновать. В 1892 г. он вызвался в качестве ямщика сопровождать крестьянский обоз на золотые промыслы Южно-Ачинской тайги. Летом 1899 г., уже освободившись из ссылки, Макаренко поехал в Южно-Енисейскую тайгу «для ознакомления с техникой горного дела и жизнью рабочих на золотых промыслах» (Макаренко 1913: III). Там же он, чтобы на себе прочувствовать приисковую жизнь, проработал два дня на вашгерде⁶. Стоит отметить, что он, вероятно, посещал те же самые прииски, что и Клеменц десятью годами ранее – прииски по рекам Татарка, Боровая и Мурожная.

Дмитрий Клеменц (1848–1914) к моменту знакомства с Макаренко уже был широко известен и как революционер, и как ученый. В 1870-е гг. он был видным членом ряда народнических кружков и обществ, входил в редакции нелегальных изданий, занимался пропагандой среди рабочих и крестьян, организовывал побег политических заключенных. Кроме политики он также увлекался естественными и социальными науками. У него было хорошее, пусть и незаконченное образование (математический факультет Казанского и Санкт-Петербургского университетов), опыт прослушивания лекций в европейских университетах во время вынужденной эмиграции и склонность к постоянному самообразованию. В 1879 г. он был арестован и в 1881 г. сослан в Минусинск на пять лет. На спаде революционного движения 1870-х гг. он отошел от политики и занялся наукой при краеведческом музее Мартьянова. После

публикации «Древностей Минусинского музея» в 1886 г. он стал известным даже за пределами России археологом. Еще во время ссылки он начал ездить в экспедиции от музея с целью комплексного изучения края. Он делал этнографические наблюдения, описывал археологические памятники, чертил географические карты, собирал гербарии и образцы горных пород.

Вскоре после окончания ссылки золотопромышленник и меценат И.М. Сибиряков предложил ему заняться социально-экономическим и геологическим исследованием приисков юга Енисейской губернии и прилегающих районов с целью предложения мер по улучшению положения рабочих и совершенствования добычи золота. Клеменц с воодушевлением согласился и на протяжении 1886–1890 гг. занимался их изучением, не прекращая, впрочем, и работ в области археологии. Итогом стала неизданная рукопись «Об экономическом положении приисковых рабочих». Работа была наполнена критическими замечаниями относительно условий жизни и работы на приисках, из-за чего ее было трудно опубликовать в легальной печати. Помешала этому и занятость Клеменца на должности правителя дел Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1891–1894 гг. (Милевский, Панченко 2017: 427).

В своей работе Клеменц стремился продемонстрировать, сколько зарабатывает приисковый рабочий, «как питается, сколько труда несет он там, повышается ли благосостояние этого рабочего от золотопромышленных работ, каковы его права и обязанности, а также что за народ идет на промыслы там, каких сословий и каких возрастов» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 9). Исследовано было 258 приисков Мариинского и Кузнецкого округов Томской губернии, Ачинского, Минусинского округов Енисейской губернии, часть приисков Южно-Енисейской тайги и Усинского пограничного округа (Федорова 1983: 84). В качестве основных источников он привлекал контракты и расчетные книжки рабочих, данные Томского статистического комитета, материалы анкетирования золотопромышленников, а также свои собственные экспедиционные наблюдения.

К концу XIX в. богатые месторождения на изученных Клеменцом территориях были практически исчерпаны, поэтому характер промысла сильно поменялся. В 1880-е гг. стали доминировать мелкие золотопромышленные хозяйства, разрабатывающие «скудные россыпи маленькими командами» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 27 об.). Также он убедился в том, что поменялся состав приисковых рабочих. Если раньше они набирались преимущественно из ссыльных поселенцев, то теперь в рабочие шли разорившиеся крестьяне (Федорова 1983: 87). Кроме того, среди приисковых рабочих Клеменц иногда встречал представителей местных полукочевых «инородцев», испытавших сильное рус-

ское влияние и «с кайлой и ломом в руках добывающих свой хлеб» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 15 об.). Золотые прииски, таким образом, представляли местом контакта и взаимовлияния как разных культур, так и разных социальных слоев.

Интересны описания типичной биографии приискового рабочего, его отношений с начальством и другими рабочими. В этом вопросе Клеменц мог опереться только на свои этнографические наблюдения. Попадая на прииск в возрасте около 22 лет, рабочий ходил несколько лет в «возчиках» – помощниках «забойщика», а потом и сам переходил в забой: «Лет до 40 он бодро несет свою голову, зарабатывает хорошо. К 40 годам усталость, ревматизмы, периодическая цинга указывают доброму молодцу, что изнасилась прежняя сила» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 9 об.). Вскоре его переводят на более легкие работы, но и там он уже не успевает выработать норму. Как среди рабочих, так и среди начальства падает авторитет старого рабочего. Если раньше ему охотно давали в долг в приисковой лавке, откладывали для него лучшие вещи, то теперь его встречают бранью: «Здравствуй стары хрыч! Чего надобно?» (Л. 10). К 50 годам рабочий рад попасть в караульщики на прииске или дворники. «Дряхлый сторож деревенской поскотины, сгорбленный, еле двигающий ноги, протягивающий руку за пяточком, нищий – вот лучшая судьба тех, кто пережил после приисковой каторги пятый десяток» (Л. 10 об.).

Такая незавидная судьба была закономерным следствием сложившихся на приисках неравноправных отношений между золотопромышленниками и рабочими. Хозяева приисков манипулировали ценами в своих магазинах, объемом «уроков» (дневной нормой выработки), размерами штрафов и загоняли рабочих в долговую кабалу. Скрупулезный анализ рабочих контрактов позволил Клеменцу утверждать, что они защищали преимущественно права и интересы золотопромышленников. Например, если содержание драгоценного металла в золотоносных песках было небольшое, то промышленник мог, не спрашивая рабочего, перевести его в «золотничники» – так назывались мелкие арендаторы со сдельной оплатой труда. При этом, по мнению исследователя, «все невыгодные стороны арендаторского положения здесь соединяются с невыгодами положения контрактного рабочего, а именно: он должен выполнять урочную работу, время выхода на работу обязательны для такого золотничника как и для общего, контрактного рабочего» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 48 об.). В конечном счете, золотничник лишался более-менее стабильного заработка и становился заложником удачи: «...добыл золотник – он получает за него плату, не добыл, проработал даром» (Л. 48 об.). В качестве одного из следствий такого порядка Клеменц отмечал развитие нелегального старательства. Еще больше его возмущало право золотопромышленника по своему

усмотрению «продавать» рабочего другому промышленнику. В духе эволюционизма он расценивал такое право как «переживание» крепостнических порядков и «живое воспоминание» эпохи, когда прииски комплектовались каторжниками (Л. 37).

В своей критике приисковой жизни Клеменц и Макаренко, конечно, не были одиноки. Похожие взгляды, пусть и в более сглаженном для легальной печати виде, регулярно высказывались в сибирской демократической печати. Публицисты обвиняли золотопромышленность в том, что она превращает многих старателей в калек, пьяниц и нищих, выкачивает рабочие руки из других областей промышленности, отрывает мужчин от земледелия, семьи и сельской общины (Бушина 2006: 83). Золотая промышленность, как считалось, была локомотивом модернизации и способствовала развитию капитализма – работы по найму и товарного рынка, прежде всего продовольственного. Как следствие, крестьянская община расслаивалась: одни богатели на торговле зерном и мясом для приисков, а другие беднели и, чтобы свести концы с концами, были вынуждены наниматься в батраки или уходить на прииски. Николай Ядринцев писал, что «население обольщалось задатками, а рабочие спаивались при входе и выходе с приисков; от этого явилось не лишнее основание мнения, что золотопромышленность только развратила коренного сибиряка» (1884: 19–20).

Несмотря на это, нельзя было не отметить, что работа на прииске расширяла кругозор сибирского крестьянина и в какой-то мере способствовала преодолению «умственного застоя» замкнутого натурального хозяйства. Сам Макаренко в отчете об экспедиции 1904 г. утверждал, что исследованные им Маклаковская и Казачинская волости «заметно эволюционировали в образе жизни, в привычках к одежде и отчасти в сельскохозяйственной жизни» из-за близости торгово-почтового тракта Красноярск-Енисей и, парадоксально, благодаря «разлагающему влиянию енисейской золотопромышленности» (АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 71. Л. 9).

Таким образом, можно утверждать, что устойчивый интерес к быту рабочих золотых приисков появился у Клеменца и Макаренко вследствие сибирской ссылки. Если для Макаренко, продолжавшего в ссылке какое-то время революционную деятельность, тема приисковой жизни была, прежде всего, хорошим материалом для политической пропаганды, то для ушедшего в науку и публицистику Клеменца эта тема стала предметом прикладного исследования. Объединяли их социально-критическая позиция, стремление улучшить положение рабочих и внимание к наиболее актуальным и насущным проблемам. В своем изучении народной жизни они были холистами и считали необходимым понять ее во всей полноте. Народническое исследование выходило за рамки узкодисциплинарных интересов академической этнографии и свободно перетекало в смежные науки – фольклористику, лингвистику, археологию, социологию, статистику, экономику, географию.

Гибридная этнография золотых приисков

В 1899 г. Макаренко вернулся из сибирской ссылки и поселился в Петербурге. Он не поменял своих убеждений, участвовал в политических демонстрациях (за что подвергался краткосрочным арестам), но свою жизнь стремился связать с наукой (Иванова 2015: 260–261). Здесь же произошла его вторая встреча с Клеменцом, который по протекции В.В. Радлова в 1897 г. был устроен сотрудником Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук (далее – МАЭ) (Решетов 1998: 83). По воспоминанию Макаренко, Клеменц однажды устроил ему экскурсию по МАЭ, «вдаваясь местами в подробные объяснения некоторых этнографических коллекций» (Макаренко 1917: 318). Из музея он уже вышел «другом музея», заинтересованным музейной этнографией человеком.

В 1900 г. Макаренко становится членом-сотрудником Русского географического общества, а в 1902 г. по совету академика В.И. Ламанского обращается к Клеменцу с предложением своих услуг. К этому времени научная карьера Клеменца достигла своего пика – он уволился из МАЭ, где занимал должность старшего этнографа, и стал заведующим ЭО РМ. Вскоре Макаренко был трудоустроен регистратором музея, позже – постоянным сотрудником. Клеменц способствовал трудоустройству в этнографических музеях столицы и других ссыльных народников, в частности В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга (Решетов 1998: 86–87). Несмотря на успешную карьеру в столичных музеях, он оставался верен идеалам молодости, примыкал к умеренному народничеству и участвовал в общественной жизни в качестве оппозиционного публициста и эксперта на суде над бурханистами (Милевский, Панченко 2017: 574–76, 626–647).

Назначению Клеменца заведующим ЭО РМ предшествовали учредительные совещания 1901 г. под председательством управляющего Русским музеем Великого князя Георгия Михайловича. Совещания были организованы для разработки концепции будущего этнографического музея, и к ним было привлечено множество известных российских ученых: Н.П. Кондаков, В.И. Ламанский, А.Н. Пыпин, В.В. Радлов, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, И.И. Толстой, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.В. Стасов, Д.А. Коропчевский, А.Н. Харузин, Н.М. Мартыянов и Д.А. Клеменц, в статусе старшего этнографа МАЭ (Шангина 1998: 98). Именно в дискуссиях на этих совещаниях Клеменц сформулировал программу изучения и музейной репрезентации русского народа и – в качестве особой подгруппы – рабочих золотых приисков.

Одним из важнейших для устройства музея вопросов был принцип распределения в экспозиции коллекций, для чего была образована специальная подкомиссия. Все члены подкомиссии, включая Семенова-

Тян-Шанского и Клеменца, согласились с тем, что коллекции должны быть распределены по географическому принципу, но конкретные предложения по его реализации сильно отличались друг от друга. По проекту Семенова-Тян-Шанского, принятого подкомиссией, страна должна была быть подразделена на 21 область, в рамках которых и должны быть представлены народы. При этом допускалось, что крупные народы могут быть показаны в нескольких областях. Так, Семенов-Тян-Шанский предлагал показывать русских во всех выделенных им «историко-географических областях» России вместе с другими народами, демонстрируя тем самым их значимость и доминирующее положение: «...русские, которые были всегда в борьбе и завоевывали страны, развили такую колонизацию, какой не развило ни одно государство в мире <...>. Входя в известную область <залу>, как бы она мала ни была, я должен видеть русское племя и около него сгруппированные мелкие, по сравнению с ним, инородческие племена, и тогда видно будет то влияние, которое русское племя имело на инородцев» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 76).

Клеменц с решением подкомиссии не согласился. По его мнению, такое размещение коллекций превратило бы «Всероссийский» этнографический музей в сумму «местных музеев», посвященных тому или иному региону, что было бы крайне неудобно для организации научной и фондовой работы. В качестве альтернативы Клеменц представил свое «особое мнение». Ссылаясь на западных этнологов (вероятно, прежде всего на последователей антропогеографии Ф. Ратцеля), он предложил выделять культурно-географические области на основании отношения между человеком и природой. Соответственно, под культурой он понимал «приспособление к природным условиям жизни, определяющим быт и занятия большинства населения, массы народа» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 54 об.). Территорию России Клеменц подразделил на четыре основные культурно-географические области: 1) северная полярная тундра – культуры «олени и собаки»; область умеренного климата – «оседлой жизни, земледелия и возделывания хлебных злаков»; 3) область «степей, переходящих в пустыню – область кочевников»; 4) область «теплых стран, где помимо земледелия процветают садоводство, виноградарство, шелкопрядство» (Л. 54–54 об.). Применительно к задачам музея эта схема немного адаптировалась за счет разделения второй области на две. Первая область умеренного климата включала в себя «русские племена» и «наиболее развитых инородцев», в то время как вторая область должна была показывать «восточных оседлых инородцев» – различные переходные формы от кочевого образа жизни к оседлому. К получившимся пяти культурно-географическим областям добавлялись еще пять областей, охватывающих пограничные с Россией регионы от Балкан до Японии.

В соответствии с этим членением коллекций русский народ, по Клеменцу, следовало показывать в рамках одной культурно-геогра-

фической области (умеренный пояс с доминированием земледелия): «Русские племена и прежде всего Великоруссы показали свои громадные колонизаторские способности. Приспосабливаясь к местным условиям, они сумели сохранить свою индивидуальность. Научный интерес этого явления громаден. Если мы возьмем Великорусское племя и распределим его в географическом порядке от границ Белоруссии и Малороссии через центральные губернии на восток до Урала, перейдем за Урал, и будем постепенно подвигаться на восток, перед нами пройдут все постепенные изменения быта, приспособлений и образа жизни русских» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 55). Культурное влияние русских на другие народы, согласно Клеменцу, могло быть продемонстрировано при помощи экспонирования в «иностранческих» залах заимствованных ими у русских вещей, а также показа бытовой обстановки метисных групп. В этом предложении исследователь, вероятно, отзывался также на дискуссии о «вымирании иностранцев» под напором цивилизации и «обынородчивании» русских сибиряков (Сандерленд 2005).

В рамках данной схемы по репрезентации русского народа возникла и тема золотой промышленности. Клеменц отмечал, что на юге Сибири к земледельческим занятиям русского сибиряка, лесным промыслам и охоте присоединяется «обширное табунное скотоводство и отчасти совершенно новый народный промысел, хотя и преследовавшийся до последнего времени, – мелкая золотопромышленность» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 57.)⁷. В этом контексте золото оказывается таким же природным ресурсом, как лес с его древесиной и охотничьими угодьями, плодородные почвы и степи, а освоение золотых месторождений – одной из форм адаптации русского народа к пространству Сибири. Приисковый быт в этой экологической перспективе есть не что иное, как региональная вариация русской народной культуры. Вместе с тем у Клеменца приисковые рабочие представлены как иллюстрация «громадных колонизаторских способностей» русского народа – его способности к приспособлению к разным географическим условиям и доминированию над другими народами («иностранцами»).

Такие выводы были отчасти подготовлены исследованиями Клеменца приискового быта в 1880-х гг. Как было показано выше, прииски южной Сибири в это время осваивались небольшими золотопромышленными командами, нелегальными старателями или арендаторами-«золотниками». В рабочие шли уже не ссыльные поселенцы, а преимущественно местные крестьяне. Все это позволило Клеменцу «этнизировать» приисковых рабочих и представить их достаточно «русскими» для превращения в легитимный объект этнографического изучения.

Хотя «особое мнение» Клеменца и не было принято коллегами по учредительным совещаниям, заложенная в него концепция в определенной степени нашла свое воплощение в музейной работе, так как

именно Клеменц в итоге был назначен заведующим Этнографическим отделом. По словам Макаренко, эта концепция явилась «тем фундаментом, на котором и создавался этот Отдел, как хранилище этнографии Российской Империи и сопредельных стран, куда Россия направляет свою деятельность политическую, торговую или просветительную; как научное учреждение, вмещающее в себе и этнографию славян вообще» (Макаренко 1917: 323).

Можно проследить, как Клеменц проводил линию на изучение региональных вариантов русских на востоке России, выступая одновременно и заведующим отделом, и хранителем отдела Сибири и Дальнего Востока. Так, в письме А.А. Прозорову – главе Камчатского торгово-промышленного общества – от 1902 г. он писал, что Этнографический отдел «интересуют не одни инородцы, но также и русское население рабочее или крестьянское. Вероятно, оно представляет по вещам и костюмам полную смесь инородческого, американского и русского. Модель камчатской избы, костюм и домашний обиход русского человека был бы весьма интересен. В ряду русских коллекций других местностей, которые мы тщательно собираем, русский на крайнем северо-востоке был бы очень интересен» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 328. Л. 3а). Через шесть лет Клеменц писал письмо Г.А. Борисову – управляющему горными промыслами Северо-Восточного Сибирского общества: «..нам интересны не одни инородцы, а также и русское население, и его приспособление к камчатскому климату» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Л. 14).

Научные взгляды Клеменца в области этнографии, как представляется, вполне укладываются в рамки «позднеимперской эпистемологической революции гибридности» (Герасимов и др. 2017). Его понятие «культурно-географической области», включающее в себя разные народы на основании адаптации к общим природным условиям, вполне сопоставимо с понятием «край» в понимании И. Герасимова, М. Могильнер и С. Глебова: он соединял «опыт разных народов в гибридное по своей природе и универсальное с точки зрения понимания процессов развития культуры целое, не имеющее четких этнокультурных границ» (194).

В соответствии с эпистемой гибридности Клеменц акцентировал момент смешения и взаимовлияния народов. В своем «особом мнении» он прямо заявлял, что «большинство народностей не представляет собою чистых, однородных типов, в громадном числе случаев народности – это результаты смешения разнородных элементов, и среди признаков, характеризующих эти агрегаты, неизвестно, каким отдать преимущество в деле классификации» (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 53 об.). Соответственно, и строгое разделение этнографии «культурных» и «некультурных» племен в музейном деле, по мысли Клеменца, не отражало бы действительность. В письме графу И.И. Толстому он писал: «...мы с нашими инородцами сжились, сроднились, перемешались. Не-

прерывная линия поселений связывает русское население с окраинным, и особенно некстати это деление было бы в пору колонизации окраин. Сибиряка нельзя представить в музее без инородцев, среди которых он живет» (цит. по: Дмитриев 2012: 90–91).

Можно сказать, что для Клеменца главным агентом гибридизации русского народа было пространство Сибири. Необходимость адаптации к природным условиям Сибири делала возможной культурные заимствования и «смешение» с местными «инородцами» или даже – как в случае Камчатки – с американцами. Макаренко в своей крупнейшей работе «Сибирский народный календарь» отталкивался от тех же принципиальных положений. По его мнению, русским, чтобы выжить в суровых природных условиях восточной Сибири, «на первых порах приходилось братья за средства, испытанные задолго до их прихода сибирскими инородцами: ими перенималась отчасти техника звероловства и охоты, способы рыбной ловли в порогах и шиверах Ангары; за образцы построек брались инородческие юрты, скотные дворы (многоугольной формы). Таким путем совершалось осибирячение русских» (Макаренко 1913: 8). При этом культурные заимствования Макаренко отмечал не только в области культуры – материальной и духовной, – но и на уровне «физического типа». В своей работе он исходил из того, что русское население Сибири образовано из «смешения разных народностей» (6–10).

Сбор коллекции по рабочему быту золотых приисков Макаренко 1904 г. осуществлялся в рамках очерченного выше проекта гибридной этнографии русских сибиряков. Эта коллекция интересна, однако, тем, что показывает гибридность не этнических образований, но социально-экономических. Коллекционная опись, составленная Макаренко, свидетельствует о незавершенной «этнизации» рабочих. Коллекция по приисковому быту в ней не была этнически атрибутирована, хотя и числилась в конечном счете за «великороссами» (РЭМ. Опись № 563). Этим она отличалась от его же коллекций по крестьянам, приписанных «русской народности», «сибирско-русскому населению» или «русским сибирякам». Стоит упомянуть и вторую такую коллекцию, содержащую костюмы и бытовые принадлежности политического ссыльного и сибирского «бродяжки», привезенные Макаренко из той же экспедиции 1904 г. (РЭМ. Опись № 682). Во всех этих коллекциях этническое отчасти отступало на второй план перед социально-экономическим. При описании вещей из этих коллекций этнограф часто отмечал общность в материальной культуре или взаимные заимствования предметов одежды у рабочих, крестьян и ссыльных. Например, выдаваемые арестантам «халат» (род армяка) и «варначек» (полушубок из киргизских овчин) приобретались сибирскими крестьянами от ссыльных и носились «в обычном их тюремном виде» или «с переделанным на местный образец

воротником» (РЭМ. Описание № 682). «Тальма» и «азям» (верхняя одежда в виде накидки и кафтана), собранные как элементы костюма приискового рабочего, по словам Макаренко, также носились и крестьянами (РЭМ. Описание № 563) (рис. 1).

Рис. 1. Рабочие золотых промыслов Енисейского горного округа. Енисейская губ. 1904 г. Фотограф А.А. Макаренко. РЭМ 773-14/1

Неудивительно, что те же самые вещи обнаруживаются и в костюме бродяги: их ряды пополнялись разорившимися крестьянами, ссыльными, неудачливыми и постаревшими рабочими. В коллекциях по крестьянской культуре есть аналогичные материальные свидетельства бытового взаимовлияния, но уже между этническими общностями. Таким культурным гибридом предстает, например, «кожушок» – переметная сумка из камуса и лбов оленей, вымениваемая крестьянами у тунгусов для собственных нужд (РЭМ. Описание № 681).

Утепленный костюм рабочего золотых приисков также может рассматриваться как форма адаптации к холодному сибирскому климату. Другая группа предметов рабочего обихода из коллекции № 563 отражает высокую мобильность рабочих, необходимость преодолевать большие расстояния по необжитой «дикой» территории, чтобы добраться до приисков или вернуться обратно. Как отмечал Клеменц в своей рукописи о рабочем быте, «иногда после дальней дороги люди измучатся, изобьют обувь, оборвутся так, что один взгляд на партию указывает опытному человеку, что день отдыха дать нужно» (АИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 78). Набор походных вещей, включенных в коллекцию № 563, состоит из дорожных сумок, полотенца, зеркала, гребешка, мыла, кисета с табаком, огнива, кремня для высекания огня, мешочка с сахаром и чаем, чайника, чашки с блюдцем, ножей и топора. Большую часть пути рабочие шли пешком, из-за чего обувь требовала регулярной починки. Согласно коллекции Макаренко, рабочий брал с собой специальную сумку для сапожных принадлежностей, в которую входили: запасные подошвы, подковки с гвоздями для сапог, шпильки, шилья, швейные иглы, нитки для починки обуви (дратва, постегонки), кожа с сапожным варом для просмаливания дратвы. Последняя группа предметов в описи – инструменты для добычи золота. В коллекцию включены общераспространенные на приисках орудия – кайла и лопата, а также два предмета, употреблявшихся, согласно описи, для мелких старательских работ. Это особый нож для «отбивания промытого золота от шлиха» и железная ложка с длинной ручкой для «отжигания золота от ртути»⁸ (РЭМ. Описание № 563) (см. рис. 2, 3).

Практически все предметы были куплены А. Макаренко на рынке города Енисейска, который был крупным центром золотой промышленности и транспортным узлом на пути в прииски. На этом же рынке покупали снаряжение старатели и золотопромышленники. Такое «городское» происхождение коллекции № 563 также выделяет ее среди коллекций по крестьянскому быту, приобретаемых обычно у самих крестьян в селах и деревнях.

Подчеркивая эмансипаторный потенциал дискурса гибридности, нельзя забывать о том, что рядом с ним (или даже внутри него) могли проявляться элементы ориенталистского дискурса. Так, акцент Кле-

менца на «громadных колонизаторских способностях» русских предполагал их противопоставление народам, таких способностей лишенных и, следовательно, подчиненных Российскому государству «естественным» ходом истории. Коллекция Макаренко по быту русских приисковых рабочих в этой перспективе также может быть рассмотрена как свидетельство их «близости к природе» и, одновременно, способности к колонизации новых пространств и освоению новых ресурсов. Впрочем, к стремлению русского сибиряка захватить земли, лесные и водные угодья «иностранцев» А.А. Макаренко относился критически и выступал в защиту последних (1905).

Рис. 2. Нож – старательский инструмент для отделения золота от шлиха.
Г. Енисейск. 1904 г. Собираетель А.А. Макаренко. РЭМ 563-45

Рис. 3. Ложка – старательский инструмент для отжигания золота от ртути.
Г. Енисейск. 1904 г. Собираетель А.А. Макаренко. РЭМ 563-46

Любопытно, что в качестве своеобразного гибрида Клеменц рассматривал и самого себя. В письме к графу И.И. Толстому он писал: «Все мы люди русские, но в этнографическом отношении представляем плохой материал – в нас много нерусского, много национального происхождения не имеющего, возникшего просто из взаимного общения разных национальностей» (цит. по: Дмитриев 2012: 82). Учитывая сложное этническое происхождение самого Клеменца и его коллег по музею, идентификация себя «русским» отсылала скорее к идее «русского подданства», чем к этническому самосознанию (Баранов 2020). Вычеркивая себя из числа объектов этнографического изучения, этнографы, однако, возносили себя как «людей культуры» над крестьянами и «иностранцами» – «людьми природы». Изучение культуры последних в перспективе адаптации к географическим условиям подразумевало, что только культурные элиты (образованные городские жители, в том числе этнографы и работники музеев) были в действительности свободны от определяющего влияния природы.

В качестве музейной иллюстрации гибридной идентичности этнографа можно рассмотреть один предмет из коллекции Макаренко, при-

везенной в 1906 г. из улуса Протокинского Мелецкой Инородной Управы Ачинского уезда Енисейской губернии (РЭМ. № 999-15). Прочитую опись: «“Чумурь-аче” – черемуховая палка (дл. 2,03 м). Ею бил свою жену крещеный ясачный инородец, что считается обычным явлением в той среде. Такой расправы я сам был очевидцем (в 1906 г.), а данная палка, отобранная мной, является вещественным тому доказательством» (Опись № 999). Коллекция и сам предмет в музее были определены как предметы этнографии «сибирско-русского населения». Здесь можно задаться вопросом: какое событие оказалось «музефицировано» этим приобретением – «расправа» мужа-инородца над женой или же факт вмешательства Макаренко, отобравшего палку? Кто здесь «русский сибиряк» – крещеный ясачный «инородец» или этнограф и бывший ссыльный Макаренко? Сложно однозначно ответить на эти вопросы, учитывая, что сам Макаренко всю жизнь считал себя украинцем. Кажется вероятным, что была задокументирована все-таки просветительская борьба этнографа с культурной «отсталостью» и «невежеством» «инородцев». Соответственно, «русскость» предмета отсылает скорее к высокой русской – европейской – культуре, носителем которой видел себя Макаренко, а не к его этничности. Также и в своей монографии, при всей симпатии и благодарности к поименно перечисленным ключевым информантам, Макаренко позволял себе писать о «груде суеверного хлама», которым полна душа русского сибиряка, его «малой культурности» и тому подобных вещах, подводя читателя к мысли о необходимости просвещения сибиряков (Макаренко 1913: VI, 10).

Можно говорить о двух типах гибридизации в дискурсе этнографов. Гибридность самих этнографов как части культурного класса отсылала к заимствованию транслокальных элементов городской культуры, независимых от природных условий. Гибридность же крестьян и «инородцев» предполагала заимствование локальных элементов культуры, обусловленных адаптацией к экологическим условиям. Акт различения между этими двумя гибридностями открывал дорогу ориенталистскому, колониальному дискурсу.

Вместе с тем другие музейные артефакты могут свидетельствовать о желании преодолеть оппозицию субъекта и объекта исследования. Например, в приобретении костюма ссыльнопоселенца Макаренко можно увидеть намеренное смешение границ между этнографами (бывшими ссыльными) и изучаемыми ими людьми⁹.

Заключение

Проект Клеменца по изучению приисковых рабочих в ЭО РМ нельзя признать успешным. Для этнографии начала XX в. он был весьма экс-

травагантным и не нашел широкой поддержки среди коллег. Клеменц и Макаренко сами больше интересовались другими темами и сюжетами. Ни одной специальной научной работы про приисковых рабочих за время работы в столичных музеях они так и не написали. Во всех крупных работах Макаренко по этнографии русских, например, можно найти некоторые сведения о рабочих золотых промыслов, но все они лишь дополняют материалы по крестьянскому быту (Макаренко 1902, 1907, 1913). Поэтому неудивительно, что иркутский исследователь 1920-х гг. Н.П. Попов видел себя первопроходцем в деле этнографического изучения приискового быта Сибири и не упоминал труды Клеменца и Макаренко (Попов 1929). Открытая для публики в 1923 г. экспозиция ЭО РМ строилась на отличных от предложенных Клеменцом принципах и не включала в себя русских Сибири вообще и рабочих в частности¹⁰.

Несмотря на свой маргинальный статус, этнография рабочих золотых приисков не была случайным явлением и может рассматриваться в контексте поисков альтернативы конвенциональной этнографии своего времени. Дискурс гибридности, подчеркивающий «смешанность» и проницаемость границ между социальными и культурными группами, можно рассматривать как новую форму артикуляции опыта народнического изучения приискового быта, привнесенного Клеменцом и Макаренко в ЭО РМ. Ключевым агентом гибридизации в работах Клеменца и Макаренко выступало само пространство Сибири – его специфический набор природных и культурных ресурсов. Гибридность сибиряков – рабочих, крестьян, бродяг, ссыльных и «иногородцев» – была зафиксирована как на языке вещей (музейных коллекций Макаренко), так и на языке этнографических концепций («особого мнения» Клеменца). Благодаря приобретению предметов рабочего быта академическая и публичная репрезентации Сибири в имперском музее – на уровне коллекционного собрания – стали более инклюзивными. Бывшие народники дали «голос» и сделали «видимыми» уязвимые слои населения Сибири, ее «социальное дно». Тем не менее, предлагаемый ими гибридный дискурс сочетался с определенными элементами ориентализма, характерными для этнографии начала XX в. Это проявилось, в частности, в раздвоенности дискурса гибридность – гибридность самих себя и объектов изучения этнографы понимали по-разному, и различие между ними воспроизводило ориенталистские культурные иерархии.

Примечания

¹ Финансировали экспедицию Русское географическое общество, заинтересованное в собирании фольклора, Министерство земледелия и государственного имущества, поручившее исследователю изучение ангарского рыболовства, а также Этнографический отдел Русского музея, ожидавший пополнения собрания по народам Сибири.

² Ряд фотографий на тему золотых приисков поступил в ЭО РМ позже в составе других коллекций.

³ Эта экспедиция была организована Д.А. Клеменцем на деньги золотопромышленника и мецената И.М. Сибирякова.

⁴ Последние годы ссылки (1894–1897) Макаренко провел в с. Казачинском одноименной волости Енисейской губернии.

⁵ В газетных статьях о сельском быте он тоже использовал схожий прием, подписываясь «Ужурянин» (Ужурянин 1888а, 1888б).

⁶ Вашгерд – простейший аппарат для промывки золотоносных песков.

⁷ Клеменц имеет ввиду, вероятно, «Устав о частной золотопромышленности» 1870 г., разрешивший всем подданным Российской империи (с небольшими исключениями) и иностранцам заниматься золотым промыслом, включая крестьян и мещан.

⁸ Шлих – осадок из тяжелых минералов, остающийся после промывки песков или горных пород. Чтобы трудноуловимые фракции золота не уносило с водой, золотопромывательные приборы изнутри покрывали ртутью, поглощающей частицы золота (метод амальгамации). Для освобождения золота ртуть выпаривали.

⁹ Я.А. Борисов, передавший в дар музею свой костюм ссыльнопоселенца, не обратился к научным исследованиям, как Клеменц и Макаренко, но его сын Андрей впоследствии стал известным советским востоковедом. Отбывал ссылку Борисов в том же селе, что и ранее Макаренко, за участие в социал-демократическом кружке Михаила Калинина.

¹⁰ Подробнее об этнографии рабочих в советской музейной этнографии см.: Петряшин 2021.

Список источников

Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Протоколы и стенографический отчет совещаний по вопросам организации Этнографического отдела Русского музея. 1901.

АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45. Переписка с Г.А. Борисовым, управляющим горными промыслами Северо-Восточного Сибирского общества на Чукотском п-ве о собирании предметов по этнографии Чукотского п-ва, опись материалов. 1908.

АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 328. Переписка Д.А. Клеменца с разными лицами о собирании этнографических материалов и об организации музейной работы в Этнографическом отделе. 1902–1903.

АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 71. Отчет А. Макаренко Совету РГО о поездке в Вост. Сибирь 1904.

АРЭМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 246. Макаренко А. «Пахота наша в Сибири» (Автобиографический очерк). 1924.

Архив Института восточных рукописей РАН (АИВР РАН). Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Статьи о золотопромышленности в Сибири.

Коллекционные описи Российского этнографического музея (РЭМ). Опись № 563.

РЭМ. Опись № 681.

РЭМ. Опись № 682.

РЭМ. Опись № 999.

Баранов Д.А. Музейное поле этнокультурных самоидентификаций // Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков: Материалы Десятнадцатых междунар. СПб. этнографических чтений. СПб.: Рос. этнограф. музей, 2020. С. 9–14.

Бушина Н.А. Влияние золотопромышленности на экономику региона в освещении сибирской печати второй половины XIX в. // Историко-экономические исследования. 2006. № 2. С. 79–90.

Герасимов И., Глебов С., Могильнер М. Гибридность: Марризм и вопросы языка имперской ситуации // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 174–206.

- Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по этнографии народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб.: Фил. факультет СПбГУ, 2012.
- Иванова Т.Г. Алексей Алексеевич Макаренко – революционер, этнограф, фольклорист // Неизвестные страницы русской фольклористики / отв. ред. А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2015. С. 247–275.
- Макаренко А.А. Д.А. Клеменц в Этнографическом Отделе Русского музея Императора Александра III (1901–1909 гг.) // Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Том XVI. Иркутск: Типография Иркут. Т-ва Печатного Дела, 1917. С. 316–355.
- Макаренко А.А. Промысел красной рыбы на Ангаре. СПб.: Типография «Товарищества Художественной Печати», 1902.
- Макаренко А.А. Сибирские песенные старины. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1907.
- Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб.: Государственная типография, 1913.
- Макаренко А.А. Эксплуатация тунгусов на реке Катанге // Рассвет. 1905. № 107. С. 5–6.
- Милевский О.А. География и политика: центральноазиатская проблематика в научном наследии Д.А. Клеменца // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 5. С. 204–223.
- Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: Опыт интеллектуальной биографии. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
- Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адиду Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / под ред. О. Леонтьевой. М.: Новые границы, 2005. С. 323–343.
- Ориентализм vs. ориенталистика: сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: Садра, 2016.
- Отчет о деятельности Русского Музея Императора Александра III за 1904 год. СПб.: Государственная типография, 1905.
- Панченко А.Б. Д.А. Клеменц и производство знания о народах в Российской империи // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 122–136.
- Петряшин С.С. Рабочие в советской музейной этнографии 1950-х годов: классовый анализ и политика времени // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 157–175.
- Попов Н.П. Приисковый быт // Сибирская живая старина. 1929. Вып. VIII–IX. С. 67–108.
- Приискатель (Макаренко А.А.) Эпизод из приисковой жизни Восточной Сибири (сказочная быль) // Сибирская газета. 1888. № 46. С. 7–9.
- Решетов А.М. Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Пигмалион музейного дела в России (к 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца). СПб.: Лань, 1998. С. 59–94.
- Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мирь, 2006 [1978].
- Сандерленд В. Русские превращаются в якутов? «Обычнородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 199–227.
- Схиммельманн ван дер Ойе Д. Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М.: РОССПЭН, 2019.
- Ужуриянин (Макаренко А.А.) Переселенцы // Восточное обозрение. 1888а. № 48. С. 8.
- Ужуриянин (Макаренко А.А.) Ужур // Восточное обозрение. 1888б. № 37. С. 6–7.
- Федорова В.И. Рабочий вопрос в неопубликованном наследии Д.А. Клеменца // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. VIII. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. С. 83–94.

- Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / под ред. О. Леонтьевой. М.: Новые границы, 2005. С. 310–322.
- Шангина И.И. Д.А. Клеменц и Этнографический отдел Русского музея императора Александра III // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца. СПб.: Лань, 1998. С. 95–110.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Ядринцев Н.М. Культурное и промышленное состояние Сибири: доклад Н.М. Ядринцева (по случаю торжества 300-летия Сибири). СПб.: Типография А.С. Суворина, 1884.
- Campbell E. On the Question of Orientalism in Russia (in the Second Half of the Nineteenth–Early Twentieth Centuries) // *Ab Imperio*. 2002. Vol. 3, № 1. P. 239–311.
- Clay C. Russian Ethnographers in the Service of Empire, 1856–1862 // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54, № 1. P. 45–61.
- Fabian J. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. N.Y.: Columbia University Press, 1983.
- Glebov S. Siberian Ruptures: Dilemmas of Ethnography in Imperial Situation // *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / eds. by R. Cwetkowski, A. Hofmeister. Budapest: Central European University Press, 2013. P. 271–310.
- Saburova T. Geographical Imagination, Anthropology, and Political Exiles // *Sibirica*. 2020. Vol. 19, No. 1. P. 57–84.
- Ssorin-Chaikov N.V. Political Fieldwork, Ethnographic Exile, and State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia // *New History of Anthropology* / ed. by H. Kuklick. New York: Blackwell, 2008. P. 191–207.
- Tolz V. *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford: Oxford University Press, 2011.

References

- Archive of the Russian Museum of Ethnography (AREM). F. 1. Op. 1. D. 11. Protokoly i stenograficheskii otchet soveshchaniy po voprosam organizatsii Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeia [Minutes and verbatim report of meetings on the organization of the Ethnographic Department of the Russian Museum]. 1901.
- AREM. F. 1. Op. 2. D. 45. Perepiska s G.A. Borisovym, upravliaiushchim gornymi promyslami Severo-Vostochnogo Sibirskogo obshchestva na Chukotskom p-ve o sobiraniy predmetov po etnografii Chukotskogo p-va, opis' materialov [Correspondence with G.A. Borisov, manager of the mining industry of the North-Eastern Siberian Society in the Chukotka Peninsula, about collecting objects on the ethnography of the Chukotka Peninsula, inventory of materials]. 1908.
- AREM. F. 1. Op. 2. D. 328. Perepiska D.A. Klementsа s raznymi litsami o sobiraniy etnograficheskikh materialov i ob organizatsii muzeinoi raboty v Etnograficheskom otdel [Correspondence of D.A. Klemenets with different persons about the collection of ethnographic materials and the organization of museum work in the Ethnographic Department]. 1902–1903.
- AREM. F. 6. Op. 1. D. 71. Otchet A. Makarenko Sovetu RGO o poezdke v Vost. Sibir' 1904 [A. Makarenko's report to the Council of the Russian Geographical Society on a trip to Eastern Siberia in 1904].
- AREM. F. 6. Op. 1. D. 246. Makarenko A. «Pakhota nasha v Sibiri» (Avtobiograficheskii ocherk) [Makarenko A. "Our Hard Work in Siberia" (Autobiographical Essay)]. 1924.
- Archive of the Institute of Oriental Manuscripts RAS (AIVR RAN). F. 28. Op. 1. D. 164. Stat'i o zolotopromyshlennosti v Sibiri [Articles about the Gold Mining Industry in Siberia].

- Baranov D.A. (2020) Muzeinoe pole etnokul'turnykh samoidentifikatsii [Museum field of ethnocultural self-identifications]. In: *Etnokul'turnaia identichnost': fenomenologiya i variativnost' v kontekstakh istorii XIX–XXI vekov: Materialy Deviatnadsyatykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Ethnocultural Identity: Phenomenology and Variation in the Contexts of the History of the 19th–21st Centuries: Proceedings of the Nineteenth International St. Petersburg Ethnographic Readings]. St. Petersburg: Rossiiskii etnograficheskii muzei, pp. 9–14.
- Bushina N.A. (2006) Vliianie zolotopromyshlennosti na ekonomiku regiona v osveshchenii sibirskoi pechati vtoroi poloviny XIX v. [The influence of the gold mining industry on the economy of the region covered by the Siberian press in the second half of the 19th century], *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 79–90.
- Campbell E. (2002) On the Question of Orientalism in Russia (in the Second Half of the Nineteenth–Early Twentieth Centuries), *Ab Imperio*. Vol. 3, no. 1, pp. 239–311.
- Clay C. (1995) Russian Ethnographers in the Service of Empire, 1856–1862, *Slavic Review*, Vol. 54, no. 1, pp. 45–61.
- Collection inventory of the Russian Museum of Ethnography (REM). List № 563.
REM. List № 681.
REM. List № 682.
REM. List № 999.
- Dmitriev S.V. (2012) *Fond Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeia po etnografii narodov zarubezhnogo Vostoka: istoriia formirovaniia i sud'ba (1901–1930-e gg.)* [Fund of the Peoples of the Foreign East of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Ethnography: History of Formation and Life (1901–1930s)]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.
- Etkind A. (2013) *Vnutrenniaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii* [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Fabian J. (1983) *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. N.Y.: Columbia University Press.
- Fedorova V.I. (1983) Rabochii vopros v neopublikovannom nasledii D.A. Klementsа [Labour Issues in the Unpublished Works of D.A. Klemenetz]. In: *Syl'nye revoliutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Exiled Revolutionaries in Siberia (19th century – February 1917)]. Vol. VIII. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, pp. 83–94.
- Gerasimov I., Glebov S., Mogil'ner M. (2017) Gibridnost': Marrizm i voprosy iazyka imperskoi situatsii [Hybridity: Marrism and the Imperial Situation's Questions of Language], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2, pp. 174–206.
- Glebov S. (2013) Siberian Ruptures: Dilemmas of Ethnography in Imperial Situation. In: *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR*. R. Cwetkowski and A. Hofmeister (eds.). Budapest: Central European University Press, pp. 271–310.
- Iadrintsev N.M. (1884) *Kul'turnoe i promyshlennoe sostoianie Sibiri: доклад N.M. Iadrintseva (po sluchaiu torzhestva 300-letii Sibiri)* [Cultural and industrial state of Siberia: report by N.M. Yadrintsev (on the occasion of the celebration of the 300th anniversary of Siberia)]. St. Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina.
- Ivanova T.G. (2015) Aleksei Alekseevich Makarenko – revoliutsioner, etnograf, fol'klorist []. In: *Neizvestnye stranitsy russkoi fol'kloristiki* [Aleksei Alekseevich Makarenko as a Revolutioner, Ethnographer, Folklorist] / Ed. by A.L. Toporkov. Moscow: Indrik, pp. 247–275.
- Khalid A. (2005) Rossiiskaia istoriia i spor ob orientalizme [Russian History and the Debate on Orientalism]. In: *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let* [Russian Empire in the Foreign Historiography. Works of Recent Years] / Ed. by O. Leontieva. Moscow: Novye granitsy, pp. 310–322.
- Knight N. (2005) O russkom orientalizme: otvet Adibu Khalidu [On Russian Orientalism: The Answer to Adib Khalid]. In: *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty*

- poslednikh let [Russian Empire in the Foreign Historiography. Works of Recent Years] / Ed. by O. Leontieva. Moscow: Novye granitsy, pp. 323–343.
- Makarenko A.A. (1902) *Promysel krasnoi ryby na Angare* [Salmon Fishing on the Angara River]. St. Petersburg: Tipografiia «Tovarishchestva Khudozhestvennoi Pechati».
- Makarenko A.A. (1905) *Ekspluatatsiia tungusov na reke Katange* [Exploitation of the Tungus on the Katanga River], *Rassvet*, no. 107, pp. 5–6.
- Makarenko A.A. (1907) *Sibirskie pesennye stariny* [Siberian Song Antiques]. St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva Putei Soobshcheniia.
- Makarenko A.A. (1913) *Sibirskii narodnyi kalendar' v etnograficheskom otnoshenii: Vostochnaia Sibir'. Eniseiskaia guberniia* [Siberian Folk Calendar in Ethnographic Relation: Eastern Siberia. Yenisei province]. St. Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia.
- Makarenko A.A. (1917) *D.A. Klements v Etnograficheskom Otdel' Russkogo muzeia Imperatora Aleksandra III (1901–1909 gg.)* [D.A. Klements in the Ethnographic Department of the Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III (1901–1909)], *Izvestiia Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Vol. XVI. Irkutsk: tipografiia Irkutskogo T-va Pechatnogo Dela, pp. 316–355.
- Milevskii O.A. (2015) *Geografiia i politika: tsentral'noaziatskaia problematika v nauchnom nasledii D.A. Klementsa* [Geography and Politics: Central Asian Problems in The Scientific Heritage of D.A. Klementz], *Problemy natsional'noi strategii*, no. 5, pp. 204–223.
- Milevskii O.A., Panchenko A.B. (2017) *«Bespokoinyi Klements»: Opyt intellektual'noi biografii* [“The Restless Klemetz”: An Essay of an Intellectual Biography]. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia.
- Orientalizm vs. orientalistika: sb. statei* [Orientalism vs. Orientology: Collection of Articles] / Ed. by V.O. Bobrovnikov, S. Miri. Moscow: «Sadra», 2016.
- Otchet o deiatel'nosti Russkogo Muzeia Imperatora Aleksandra III za 1904 god* [Annual Report on the Activities of the Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III, 1904]. St. Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, 1905.
- Panchenko A.B. (2018) *D.A. Klements i proizvodstvo znaniia o narodakh v Rossiiskoi imperii* [D.A. Klements and the Production of Knowledge about Peoples in the Russian Empire], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 122–136.
- Petriashin S.S. (2021) *Rabochie v sovetskoii muzeinoi etnografii 1950-kh godov: klassovyi analiz i politika vremeni* [Workers in Soviet Museum Ethnography in the 1950s: Class Analysis and Politics of Time], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 157–175.
- Popov N.P. (1929) *Priiskovyi byt* [Mining Life], *Sibirskaia zhivaia starina*, Vol. VIII–IX, pp. 67–108.
- Priiskatel' (Makarenko A.A.) (1888) *Epizod iz priiskovoi zhizni Vostochnoi Sibiri (skazochnaia byl')* [An episode from the mining life of Eastern Siberia (a fairy tale)], *Sibirskaia gazeta*, no. 46, pp. 7–9.
- Reshetov A.M. (1998) *D.A. Klements i Muzei antropologii i etnografii Imperatorskoi Akademii nauk* [D.A. Klementz and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Imperial Academy of Sciences]. In: *Pigmalion muzeinogo dela v Rossii (k 150-letiiu so dnia rozhdeniia D.A. Klementsa)* [Pygmalion of the Museum Work in Russia (to the 150th anniversary of the birth of D.A. Klementz)]. St. Petersburg: Lan', pp. 59–94.
- Saburova T. (2020) *Geographical Imagination, Anthropology, and Political Exiles, Sibirica*, Vol. 19, no. 1, pp. 57–84.
- Said E. (2006) [1978] *Orientalizm: Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western Concepts of the East]. St. Petersburg: Russkii Mir".
- Sanderland V. (2005) *Russkie prevrashchaiutsia v iakutov? «Obynorodchivanie» i problemy russkoi natsional'noi identichnosti na Severe Sibiri, 1870–1914* [Are Russians turning into Yakuts? “Alienation” and the Problems of Russian National Identity in the North of Siberia, 1870–1914]. In: *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty*

- poslednikh let* [Russian Empire in the Foreign Historiography. Works of Recent Years]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 199–227.
- Schimmelpenninck van der Oye D. (2019) *Russkii orientalizm: Aziia v rossiiskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloi emigratsii* [Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration]. Moscow: ROSSPEN.
- Shangina I.I. (1998) D.A. Klements i Etnograficheskii otdel Russkogo muzeia imperatora Aleksandra III [D.A. Klements and the Ethnographic Department of the Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III]. In: *Pigmalion muzeinogo dela v Rossii. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia D.A. Klementsа* [Pygmalion of the Museum Work in Russia (to the 150th anniversary of the birth of D.A. Klemenetz)]. St. Petersburg: Lan', pp. 95–110.
- Ssorin-Chaikov N.V. (2008) Political Fieldwork, Ethnographic Exile, and State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia. In: *New History of Anthropology*. H. Kuklick (ed.). New York: Blackwell, pp. 191–207.
- Tolz V. (2011) *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford: Oxford University Press.
- Uzhurianin (Makarenko A.A.) (1888) Pereselentsy [Resettlers], *Vostochnoe obozrenie*, no. 48, P. 8.
- Uzhurianin (Makarenko A.A.) (1888) Uzhur, *Vostochnoe obozrenie*, no. 37, pp. 6–7.

Сведения об авторе:

ПЕТРЯШИН Станислав Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург, Россия); старший научный сотрудник, Лаборатория междисциплинарных исследований пространства, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия). E-mail: s-petryashin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Stanislav S. Petriashin, Russian Museum of Ethnography (Saint Petersburg, Russian Federation); Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: s-petryashin@yandex.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 18 февраля 2022 г.;
принята к публикации 06 июня 2023 г.*

*The article was submitted 18.02.2022;
accepted for publication 16.06.2023.*